

11 августа. В 11 часов утра, на 56-м году жизни, скончался.

12 августа. Погребен на горе Кучук-Енишары (впоследствии получившей название Волошинской).

"ВСЕ ВИДЕТЬ... ВСЕ ПОНЯТЬ... ВСЕ ЗНАТЬ... ВСЕ ПЕРЕЖИТЬ..."

Валентина Вяземская НАШЕ ЗНАКОМСТВО С МАКСОМ

В первый раз мы увидели Макса в Севастополе у Натальи Александровны Липиной⁶⁶. Мы заезжали к ней проездом в Петербург. Ему было года три или четыре. Это был маленький увальень, который верил всему, что бы ни выдумывали, и прятался и удирал от несуществующих чудовищ. Он показался странным ребенком и малоинтересным.

Через три года Елена Оттобальдовна привезла его к нам в Москву⁶⁷, где мы тогда проживали. Как же я была удивлена, увидав вместо маленького увальня красавчика в русском вкусе. Как водится, он сначала стеснялся. Чтобы его занять, дать ему освоиться, я предложила ему играть в карты. Он сказал, что умеет играть в "Никитки". Я и по сие время не знаю, в чем игра эта заключалась, но цели своей она достигла: мой маленький гость разболтался и так мило учил ей, так очаровательно говорил: "Кла-а-ади, би-и-ири", что я до сих пор это помню. Он так разошелся, что рассказал мне про Сороку Белобоку (он говорил "Сароку Билабоку"). Тут я пришла в восторг и потащила его ко взрослым рассказывать про "Сороку". В его манере говорить было что-то чарующее. Он своеобразно выговаривал слова, растягивая гласные, и то выражение, которое он давал произносимому, было так оригинально, что все взрослые с интересом слушали. Это посещение положило начало нашей дружбе.

После этого он стал часто у нас бывать и был и чувствовал себя на положении близкого родственника. Весною они совсем переехали к нам. Я была чуть не вдвое старше его (ему был 7-й, а мне 12-й год), но мне было веселее с ним, чем со своими сверстниками. В нем было такое интересное сочетание наивной простоватости с острым умом и наблюдательностью. Он мог тут же подряд поразить то нелепостью, то мудростью не по летам своих мыслей и суждений.

Вскоре он начал декламировать уже не "Сороку", а Пушкина и Лермонтова "Полтавский бой", "Бородино", отрывки из "Демона" Как-то, когда я завела для Макса свой "граммофон"⁶⁸, он сказал: "Да, я прежде лучше говорил стихи, чем теперь". Конечно, надо быть Максом, чтобы говорить подобные вещи, но верно то, что слова из "Демона": "Когда он верил и любил" - маленький Макс говорил с такою силою и убедительностью, с какой не сказать взрослому поэту, особенно в наше время.

В этом возрасте Макс приходил в азарт, декламируя. Мой дядя Митрофан Дмитриевич⁶⁹, с которым мы тогда жили, человек с сильной юмористической жилкой,

⁶⁶ 59 Наталья Александровна Липина - подруга Елены Оттобальдовны Волошиной. У Липиной Е. О. Волошина жила с сыном в Севастополе после ухода от мужа.

⁶⁷ 60 Е. О. Волошина с сыном переехала в Москву в декабре 1881 г. Весной 1883 г. Елена Оттобальдовна и Макс поселяются в квартире Вяземских в Ваганьково.

⁶⁸ 61 В. Вяземская умела "имитировать" детское чтение стихов Максом Волошиным.

⁶⁹ 62 Митрофан Дмитриевич Пшенецкий - брат Елены Дмитриевны Вяземской (урожд. Пшенецкой, ?-1929), матери Валентины Орестовны.

чтобы его подзадорить, предлагал ему состязания: кто лучше скажет, например, "Бородино". Макс относился к этим состязаниям вполне серьезно. Однажды, когда для большего эффекта декламации ему посоветовали влезть на стол, он, спускаясь после прекрасно выполненной задачи, обратился к дяде: "Ну, Митрофан Дмитриевич, теперь вы полезайте на стол". Как-то моя мать его спросила, что ему особенно нравится в "Полтаве", которую он с таким подъемом декламировал. Он, не задумавшись, сказал: "Сии птенцы гнезда Петрова" (до "полудержавный властелин") Тогда она его спросила, что все это, по его мнению, значит. Он сказал, что не знает. Это вышло очень комично, но, в сущности, в поэзии прелесть непонятных, то есть действующих не на сознание, а на подсознание, строк пленяет очень многих, и в наше время это-то и считается поэзией. И его казавшиеся смешными слова были глубоки.

У него в то время определенно чувствовалось пристрастие к красивому стиху. Он шутя запоминал большие отрывки из Пушкина и Лермонтова. У него в большом ходу в то время была еще книжечка Даля, из которой он восхитительно рассказывал про Совушку, Петушка и Лисичку, Бабушкиного бычка - на прекрасном народном языке. Он также любил повторять отрывок из "Конька-Горбунка" про ерша. Слушать он умел удивительно, не сводя глаз с чтеца. Чаще всего - того же Митрофана Дмитриевича, с которым он состязался, и ужасно любил, чтобы ему рассказывали сказки.

Как-то в сумерки Люба⁷⁰ стала сочинять для него сказку про Большую Медведицу и хотела оставить без конца, потому что нас чем-то прервали. Не тут-то было... Он пристал к ней, как репешек, и не отстал, пока заинтересовавшая его сказка не получила достойного окончания. Он любил смотреть картинки и подолгу мог сидеть и их рассматривать. У него были любимые игрушки: кукла и обезьяна, которую он торжественно называл Обезьяна Ивановна. По внешности он обращался с ними довольно небрежно, и они были у него довольно-таки потрепанными, но он их как-то вочеловечивал, особенно обезьяну, и я до сих пор помню Максину Обезьяну Ивановну как личность.

Лето Макс с матерью провели в Москве, мы же уезжали на юг. Осенью мы снова встретились и заметили, что Макс опять стал проявлять странности, а именно - бояться сверхъестественного. Он отворачивался от некоторых мест, произносил заклинания и показывал все внешние проявления ужаса по разным, весьма неожиданным, поводам. Объяснялось это влиянием Туркина и Валериана⁷¹, которые шутки ради внушали ему подобные мысли. Старание его разубедить, объяснить, что его зря морочат, ни к чему не вело. Он пресерьезно, садясь за стол, простирает руки и говорит: "Аминь, аминь, рассыпья, чур, мое место свято" Однажды в середине заклинания Валериан взял да перевернул его вверх ногами. Вышло ужасно комично, а он как будто искренно стал приписывать духам то, что он взлетел на воздух, и рассказывал другие подобные факты. Заставить его одного в темноту выйти в сад было невозможно... Казалось, он весь был во власти нелепого суеверия!.. Но тут являлся вопрос: в самом ли деле это было так, действительно ли он верил или только делал вид, что верит?

Наблюдая за ним, мы чувствовали, что ему казалось интересным верить в сверхъестественное, жизнь при такой вере казалась ему красочнее и увлекательнее обыденной. Он такой жизни желал, к ней стремился и поэтому верил. Но... рядом с чудачком, которого можно было обмануть чем угодно и над которым все потешались, уже и тогда жил умный, трезвый человек, который отлично знал, что его морочат, но молчал об этом, ибо жизнь, если дать уму руководить ею, казалась ему скучнее. Да и сказать ли? Макс любил, чтобы все кругом него были заняты им, а при старании проводить его и морочить, разумеется, окружающие были очень заняты и заинтересованы им. Поэтому еще вопрос, кто кого водил за нос: те ли, кто дразнил его, или он тех, кто его дразнил.

⁷⁰ 63 Сестра Валентины Орестовны - Любовь Орестовна Вяземская (1869-1964) педагог.

Одно из самых оригинальных качеств Макса всегда было его отношение ко мнению о нем других людей. Его нельзя было задеть, раздражить, раздразнить, напугать, вывести из себя. Все, что ему говорили про него самого, было ему "интересно". Это качество чувствовалось и в детстве. Когда его хотели разозлить, он просто находил, что сказанное "интересно", и так к этому и относился (хотя, конечно, не осознавал своего отношения), и получалось часто не совсем то, чего ожидал его оппонент.

Повторяю, у Макса с детства было тяготение к необыденному в жизни. Неопределенное чувство ужаса, вызываемое сверхъестественным, несомненно, было необыденным, и его к этому тянуло. На этой струне играл Туркин, когда пугал его. У одного из французских писателей прошлого столетия (кажется, Бурже или Маргерит) есть рассказ о детстве, очевидно автобиографический, озаглавленный "Пум" ("Poum"). Одна глава, где описано, как Пум следует за своим кузеном в сад, темный и страшный, зная, что его будут пугать, что он будет дрожать от ужаса, следует потому, что сам не знает - боится он этого или стремится к этому страху. Тут переживания Пума прекрасно передают переживания Макса. Благодаря этому он и слушал чтение Эдгара По - очевидно, со смесью ужаса и наслаждения, когда Туркин ему читал. Нам же он рассказывал лишь о первом, то есть об ужасе. Но второе, несомненно, было налицо, иначе зачем бы он стал его слушать. Туркин вообще мудрил над ним, и со стороны казалось странным, что Елена Оттобальдовна ему это позволяла. Надо думать, что, с одной стороны, она была очень занята и не во все входила, а с другой, что оригинальность этих отношений ее забавляла и ей любо было, что фокусы учителя выявляют необычайность способностей ученика. И потому она смотрела сквозь пальцы на непедagogичность таких приемов. А может быть, это и не было ошибкой, может, все эти переживания служили его духовному росту и своеобразию его духовного склада. "Chi lo sa"⁷², как говорят итальянцы.

Во всяком случае, он часто жил в мире, сильно отличающемся от мира детей его возраста, и был одновременно и глупее, и умнее их.

Впрочем, главные мудрствования Туркина происходили не на моих глазах (при моей матери он таких вещей не делал). Это происходило в то время, когда мы жили в Петербурге. Несколько лет мы бывали у них проездом через Москву, и Макс был тем же милым ребенком. Потом мы года два не виделись и встретили его уже отроком.

Елене Оттобальдовне было лет 35, когда мы с ней познакомились. Она была очень красива. В официальных случаях она надевала прекрасно сшитое черное шелковое платье, а по праздникам красный шелковый запон и бывала идеально красива. Обычно же она носила малороссийский костюм с серым зипуном, и, я думаю, ее оригинальность бросалась больше в глаза, чем ее красота. Она была очень умна и с большим юмором. Слушать ее разговоры с Максом было ужасно смешно, она в такой уморительной форме отвечала на его требования. Хотя в то время, может быть, это и не всегда было приятно Максусу, так как она была, в сущности, очень строга, но думаю, что эти разговоры значительно способствовали развитию в нем того юмора, который составлял одну из его столь привлекательных сторон.

Она так умела со стороны видеть многое в комическом свете и сама даже не замечала, как метко она подчеркивала чужие нелепости. Я и сейчас замечаю в себе некоторые следы влияния ее оригинального ума. Она была большая спорщица и часто спорила с моим дядей так, как описано у Тургенева в "Дворянском гнезде". В пылу сражения они говорили больше, чем думали. Я помню случай, когда в конце спора Елена Оттобальдовна заявила: "Митрофан Дмитриевич, а помните, на прошлой неделе я говорила то самое, что вы теперь оспариваете, а вы спорили против меня". Так в пылу спора они поменялись ролями.

Все в Елене Оттобальдовне было оригинально и своеобразно, ничего в ней не было стереотипного. Когда она говорила серьезно, в ее речах было что-то сверхобыденное и потому поэтичное. Она ездила верхом в мужском костюме и была в нем красавцем юношей,

⁷² Кто знает? (Итал.)

и никак нельзя было принять ее за переодетую женщину.

Наталья Александровна Липина - очень интересная личность и большая энтузиастка - была другом как Елены Оттобальдовны, так и моей матери. Она стремилась сблизить этих своих друзей, но это ей удалось не при жизни очень уж они были разные люди по внешнему складу, - а после смерти.

Мама пела, у нее был необыкновенный голос. Эстетка, она искала вокруг красоты и гармонии и идеализировала внешние формы социального строя, а Елена Оттобальдовна не признавала никаких внешних форм. Но вот они обе прочитали в газетах о трагической кончине Натальи Александровны⁷³. Елена Оттобальдовна, обезумев от горя, пришла к маме говорить об общем друге. Трое суток она пробыла у нас, и это было началом дружбы на всю жизнь. Общее горе сблизило их, мама заглянула ей в душу и увидела, какие сокровища доброты и душевной тонкости скрываются под несколько суровой и странной внешностью.

... Написала все, что могла припомнить о Максе-ребенке. Сейчас прибавляю еще несколько слов о Максе-отроке.

Мы были проездом в Москве, когда Максу было 13 лет. Приезжаем к ним, встречает одна Елена Оттобальдовна. "А Макс?" - "У себя в комнате". "Почему не выходит?" - "Стесняется". Пошли к нему - он сидит под столом. О дальнейшем расскажу словами Елены Оттобальдовны, которые мне лучше запомнились, чем действительные события. "Он от Любы и Лины спрятался под стол. Его вытащили, расцеловали, велели не стесняться".

После этого мы провели два дня с ним так же дружно, как и до разлуки. Мама просила его прочитать нам стихи. Но он сказал, что сейчас ничего интересного не помнит и выразил желание почитать вслух. Он стал читать детство Молотова Помяловского⁷⁴. Он читал так прекрасно, так выразительно, так симпатично и выглядел при этом так умно, что моя мать, которая обладала исключительным артистическим чутьем и вкусом и была очень требовательна к чтению, до конца жизни не могла забыть чтения Макса-отрока. Конечно, он много рассказывал, но что - я уже не помню. Перемена в его внешности была главным образом в том, что он оставил свою детскую прическу и его умный лоб был открыт, и это давало отпечаток мысли его лицу, давало какую-то глубину его взгляду. В остальном он был такой же славенький, как и раньше, только в серой форме. ...

...В то время, когда я его знала (до школы), Макс всегда был одет стильно: летом в матросском костюме с подходящей фуражкой и пальто, а зимою в русском. Я его помню в рубашке цвета бордо, которая к нему очень пристала. Волосы были зачесаны на лоб, как на фотографиях того времени. Цвет лица у него был восхитительный: белый и румяный, и масса веснушек, которые несколько его не портили. Глаза его иногда были задумчивы и глубоки, чаще веселы и "смешливы", а подчас они были очень хитренькие.

Он никогда не был беспокойным и назойливым ребенком, хотя очень любил болтать, но делал это только тогда, когда его на это вызывали. При его внешности желающие с ним беседовать легко находились. Вот что рассказывают о начале одного такого знакомства в поезде. Одна пассажирка спросила его: "Ну, а как тебя зовут?" - "Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин, - отвечает весело пятилетний Макс. - Но, если это вам кажется слишком длинно, можете звать меня просто Макс", - снисходительно добавляет он. Собеседница в восторге от такого ответа, и разговор продолжается до приезда на место назначения.

Говорить он мог до бесконечности, есть - тоже мог без конца, и в этом была драма его

⁷³ 64 Валериан Орестович Вяземский (1868-?) - брат Валентины Орестовны, инженер-путеец, профессор петербургского Института путей сообщения. С В. О. Вяземским в сентябре 1900 года Волошин отправился в Среднюю Азию, на изыскания трассы Оренбург-Ташкентской железной дороги.

⁷⁴ 65 Н. А. Липина и ее муж погибли 5 декабря 1883 (Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. М., 1910). В Севастополе Волошин дружил с их дочерью Инной.

жизни⁷⁵, ибо жестокосердная мамаша строго дозировала его пищу. Я его очень жалела и пробовала за него ходатайствовать, но Елена Оттобальдовна очень серьезно мне сказала, что не может позволять Максусу есть, сколько он хочет, без серьезного вреда для его здоровья, - и, таким образом, положила конец всяким моим просьбам. Ужасно потешно (но и немного жалко) было слушать разговоры матери с сыном по этому поводу: "Мам, а мам (выговаривалось как-то "мум"), мам-мама, мам-мама, я хочу..." - "Ну хотя, хотя", - отвечала совершенно серьезно, без тени улыбки, эта оригинальная женщина. За вечерним чаем ему выдавалось 3 ломтя хлеба и 3 куса колбасы. Сначала он съедал ломоть хлеба без колбасы, затем - с одним куском колбасы, и, наконец, наступал торжественный момент. Макс старался обратить на себя общее внимание и ел один ломоть хлеба с двумя кусками колбасы. Все это выходило у него до того потешно, что я через бесчисленное количество лет пишу об этом с невольной улыбкой.

Кто-то внушил ему, что самые лучшие огурцы - самые спелые, то есть самые большие и желтые, и он ко всеобщему развлечению просил огурец "побольше, да пожелтее, поспелее".

При игре в мнения его изречения всегда были очень оригинальны, как французы говорят, *saugrenu*⁷⁶. Но при всей странности, они часто были не лишены известной меткости, а иногда даже глубины. Например, лично обо мне он сказал "Картонка с мозгом". Я действительно была в то время в периоде философствования по всякому поводу. Про меня как-то сказали: "Если Лине поручить описать, например, самовар, она тщательно опишет его внутреннее устройство и ни словом не обмолвится о его внешнем виде". Из чего видно, что, при некоторой нелепости формы, высказывание Макса доказывало его наблюдательность.

Максина молитва тоже была очень оригинальна. Как и большинство детей его времени, он утром и вечером читал "Господи, помилуй папу и маму" и кончал: "и меня, младенца Макса, и Несси"⁷⁷. Услышав это, Валериан стал рассказывать, как Макс будет молиться в будущем. Сначала: "и меня, гимназиста Макса, и Несси", потом: "и меня, студента Макса, и Несси", и, наконец, когда он станет важным лицом: "и меня, статского советника Макса, и Несси". Как я уже говорила, такие шутки его нисколько не задевали. Он сам входил в них. Сколько веселья вносил он в жизнь даже и тогда.

Как-то, гуляя по депо Брестской дороги, мой дядя рассказывал Елене Оттобальдовне о каком-то протоколе, составленном по поводу вентиляционной трубы, мимо которой они проходили и которая лежала, зияя огромной страшной пастью. Макс стал спрашивать, что такое протокол. Увлеченный разговором, дядя махнул в сторону трубы и сказал что-то нечленораздельное, из чего Макс понял, что эта труба и есть протокол. Валериан не преминул укрепить его в этой мысли и прибавить, что туда сажают детей за дурное поведение. Долгое время после этого Макс пуще всего боялся попасть в протокол.

Будучи совсем маленьким, он рассказал, что сочинил стихи: "В смехе под землю жил богач с одной ногою". Как-то его спросили о его дне рождения, он долго не мог припомнить и наконец воскликнул: "Знаю, знаю: шестнадцатого мая". Тут уж получилась целая поэма, которой он очень гордился. ...

Когда мы в следующий раз встретились с Максом, он был уже студентом, а я недавно замужем. Мы жили в Севастополе, и моя семья вся гостила у меня⁷⁸. Елена Оттобальдовна с

⁷⁵ 66 Речь идет о повести Н. Г. Помяловского "Молотов".

⁷⁶ Нелепый (франц.).

⁷⁷ Несси - кормилица Макса, чешка.

⁷⁸ 68 У Вяземских под Севастополем было имение Еленкой (от имени "Елена" и татарского "кой" - деревня). Е. О. и М. А. Волошины навестили их там в июле 1896 г.

ним приехала повидаться с мамой. Очень странно было увидеть своего друга с бородою... Хотя он был очень юн, но казался солиднее благодаря этому. Мы все вместе на двух извозчиках совершили поездку в Ялту. Какой он был интересный тогда, сколько декламировал стихов, своих и чужих!.. Как приятно было слышать их в чудной обстановке крымской природы! Приведу одно юношеское его стихотворение, которое [хорошо представляет] Макса в то время;

Думы непонятные
В глубине таятся,
Силы необъятные
К выходу стремятся.
Путь далек, душа легка,
Жизнь, как море, широка.
Дышится и верится,
И легко поется,
Силами помериться
Сердце во мне рвется.
Путь далек, душа легка,
Жизнь, как море, широка.

Сергей Иванов ИЗ ЮНОШЕСКИХ ДНЕЙ

Мои первые воспоминания о Максимилиане Александровиче Волошине относятся к 1891-92 гг., когда он, насколько я помню, поступил в четвертый класс Московской 1-й гимназии. Он был, таким образом, на два-три года старше меня классом. Его близким товарищем по классу был Володя Макаров⁷⁹, хромым от рождения и, как нередко это бывало в те тяжелые времена, имевший несколько обиженное самолюбие, благодаря тому, что уличные мальчишки, завидовавшие его гимназической форме и кокарде, не упускали случая подчеркнуть ему его физический недостаток. ...

Володя и Макс возвращались обычно вместе после уроков, и вот первому пришла в голову мысль также посмеяться над Максом и обратить на него то оружие, от которого он сам невинно и незаслуженно страдал. Собравши двух-трех таких сорванцов, среди которых оказался и я - ученик 1-го класса той же гимназии, он сказал нам, что Макс Волошин, с которым он ходит вместе из гимназии, отличающийся необыкновенной толщиной и неповоротливостью, очень любит, когда его щиплют сзади за мягкие части тела, а его неповоротливость гарантия в том, что мы можем доставить Максиму это удовольствие безнаказанно. Наша сорвиголовость была установившейся репутацией, и потому, получивши конкретное задание, мы начали поджидать случая, когда можно будет привести его в исполнение. Когда толстый Волошин тяжело шагал по тротуару вдоль внутреннего проезда Никитского бульвара, мы выбегали из парадного крыльца, быстро делали свое дело и стрелой мчались на бульвар. Настал, однако же, день, когда Волошин, уже изучивший наши повадки, насторожился около места засады и, скося глазом, вовремя обнаружил замысел врага. Не успел я ущипнуть его как следует, как он быстро повернулся и дал ладонью такого тумака, что я растянулся на земле. Я помню только склоненные надо мной большие круглые добродушные глаза и просьбу оставить его в дальнейшем в покое. Эти встречи были

⁷⁹ 70 Макаров Владимир Антонович - сын секретаря Московской конторы Госбанка. Жил на Никитском бульваре, в доме Госбанка. В. Макаров не раз упоминается в дневнике Волошина 1892-го - начала 1893 г. (ИРЛИ)